Чувашские сказки

Иван-батыр

Давным-давно жили-были в маленькой деревушке старик со старухой. Детей у них долго не было, только уже на склоне лет родила старуха сына. Радовались родители, что появился у них наследник, и дали ему доброе крестьянское имя Иван.
Рос Иван не по дням, а по часам, и к восемнадцати годам в настоящего богатыря вырос.
На ту пору царствовал в тамошнем царстве-государстве Ех-рем-патша. Любил он поспать, и часто всякие диковины во сне видел. Как-то приснилось ему: едет по мосту через реку двенадцатиглавый змей на лошади о семи ногах; впереди змея на лошадиной гриве собака сидит.
Проснулся Ехрем-патша и, недолго думая, решил: если я что-то во сне увидел – должно это где-то быть и наяву!
И велел царь построить высокую башню. Такую высокую, чтобы с нее другие страны можно было видеть. А когда башня была готова, приказал Ехрем-патша водрузить на ее вершину большущее зеркало. Любому-каждому разрешалось подняться на башню и смотреть в зеркало, а тому, кто в зеркало увидит семиножного коня и приведет его к царю, Ехрем обещал полцарства.
Много людей всякого звания на башне побывало и в зеркало поглядело, а только никто ничего не увидел. Зеркало было тяжелым, ни много ни мало девять пудов весило, и крутить-вертеть его приходилось вшестером, а то и всемером. Но сколько ни вертели, ни крутили то зеркало – никто семиножного коня в нем не высмотрел.
Дошла молва о царской башне с зеркалом и до деревни, в которой жил со своими родителями Иван-батыр.
– Сходим поглядим, – сказал Иван отцу. – А вдруг что-нибудь увидим.
Отец наперед был уверен, что ничего они с Иваном в го зеркало не увидят, но чтобы не огорчать сына, согласился.
Пришли они к башне уже под вечер, люди – и те, кто поднимался на башню, и те, кто приходил сюда из любопытства, – начали уже расходиться.
– Давай, отец, поднимемся, – говорит Иван.
– Стоит ли? – попытался отец отговорить сына. – Зря только намучаемся – башня-то вон какая высокая! Пока будем подниматься, там уже не останется ни одного человека, некому будет помочь покрутить зеркало.
– Авось, и сами управимся, – настаивает Иван. – Попытка – не пытка.
Стали они подниматься. А когда поднялись, Иван взял в руки зеркало и один начал поворачивать его туда и сюда.
Подивился отец богатырской силе сына, дивятся стоящие внизу у башни люди.
А Иван повернул зеркало на север – ничего не увидел, повернул на восток, на юг – то же самое, повернул на запад – и сам своим глазам не сразу поверил: двенадцатиглавый змей на семиножном коне по мосту едет; впереди, на гриве коня, собака ездит.
Сказал обрадованный Иван отцу об увиденном, а тот не только обрадовался, а еще и предостерег сына:
– Если и увидел, не говори патше, скажешь – он же тебя и пошлет за тем семиножным конем, и кто знает, вернешься ты назад или сгинешь на чужбине.
Спустились они с башни, патша спрашивает:
– Ну, что видели?
– Ничего не видели, – ответил Иван.
И пошли они с отцом домой. Шли-шли, не выдержал Иван, приостановился:
– Нет, отец, не могу я не сказать патше, что в зеркало увидел. Нехорошо как-то получается.
Понимает отец: все равно не удержать сына-батыра около себя и соглашается:

– Ты уж большой, делай как знаешь. Возвращаются они в город, Иван говорит царю:
– Я тебе давеча не осмелился сказать, а теперь скажу: видел я в зеркало, как двенадцатиглавый змей на семиножном коне по большому мосту через реку ехал.
Царь тут же Ивана с отцом зовет к себе во дворец, усаживает на почетное место и начинает угощать, как самых дорогих гостей. А чтобы старушка-мать одна без них не томилась, он и за ней слуг послал с наказом привезти во дворец.
– Три недели ешь, пей, веселись, Иван! – сказал царь. – Наскучит в моей столице гулять – в любой другой город дорога не заказана. И куда ни придешь – нигде и ни в чем тебе не будет запрета, – и дал на то Ивану свое письменное царское повеление.
Гуляет, веселится Иван три недели. А когда они минули, приходит к царю и говорит:
– Дай мне в помощь трех своих солдат да накажи им, чтобы они меня во всем слушались, как старшего.
Патша дает Ивану трех солдат и повторяет свое обещание:
– Приведешь на мой царский двор семиножного коня – сразу же получишь полцарства.
Иван с солдатами в дорогу снаряжаются, вчетвером на четырех конях выезжают.
Долго ли, коротко ли они ехали, приехали в глухой дремучий лес. Посреди леса – большая поляна, через поляну речка течет, а на берегу речки избушка стоит.
Три дня и три ночи они в этой избушке отдыхали. Кони тем временем тоже для новой дороги сил набирали, благо, что на поляне сочной травы, а в реке чистой воды было вдоволь.
Через трое суток тронулись они дальше. Ехали-ехали, к широкой реке приехали. Через реку перекинут большой мост, на берегу, у моста, стоит большой дом, а в том доме полно народу.
Иван спрашивает:
– Что вас так много тут собралось?
– А разве не видишь, какой большой змей на мосту лежит и никому ходу не дает?
Иван подошел поближе к мосту. Поперек его и впрямь большущий – сажень семь в длину – змей лежал. Завидев Ивана, змей зашипел и язык свой длинный вытянул.
– Ты меня не устрашай, я не робкого десятка, – сказал Иван, вытащил свой богатырский меч и одним махом отсек змею голову.
Туловище змея Иван изрубил на мелкие куски, сложил под мостом и камнем придавил.
– Путь свободен, – сказал он скопившимся в доме людям. – Каждый может идти туда, куда ему надо.
Люди благодарят Ивана и устремляются на мост. Иван же со своими солдатами остается в опустевшем доме.
– Будем караулить мост, – говорит Иван солдатам. – А кому в какую ночь караул держать – жребий кинем.
Солдаты переглянулись меж собой и – в один голос:
– Если хочешь – сам карауль, а мы не будем. Мы с тобой не по своей воле поехали, и если ты с тем семиножным конем заварил кашу – сам ее и расхлебывай.
Иван-батыр мог бы и заставить солдат подчиниться своему приказу: власть над ними ему патша дал, силы тоже было не занимать. А только какой толк из таких караульщиков, которых на пост надо палкой гнать? Да и не любил Иван ни с кем ссориться. Добрый по натуре, он хотел и с другими жить в добре и мире.
– Ладно, – сказал он солдатам, – я сам стану на караул. Но вы здесь тоже не спите, будьте начеку, мало ли как дело может обернуться.
С этими словами он вытащил из кармана платок, повесил его на гвоздь в простенке, а под платком поставил тарелку.

– Если платок намокнет кровью и она начнет капать в тарелку – сразу же, не мешкая, выбегайте мне на помощь.
Вышел Иван из дома, сел под мост, ждет, что дальше будет.
Ровно в полночь конский топот послышался: трехглавый змей на коне о четырех ногах к мосту подъезжает. Немного не доходя моста, конь вдруг споткнулся.
– Что, волчья сыть, спотыкаешься? – сердито прикрикнул змей на коня.
– Сила Ивана-батыра заставляет спотыкаться, – отвечает конь.
– Откуда здесь взяться Ивану?! – еще больше рассердился змей. – Он, небось, у Ехрема-патши по саду с девушками гуляет, себе невесту выбирает.
Тут Иван-батыр выходит из-под моста, меч из ножен вынимает.
Змей увидел Ивана, спрашивает:
– Мирно, по-хорошему договоримся или биться будем?
– Не получится у нас мирного разговора, – отвечает Иван, – будем биться.
– Если так, – говорит змей, – начинай. А то я ударю – от тебя одно мокрое место останется.
– Кто бахвалится, тот пусть я начинает, а мы поглядим, какое место от него останется.
Змей собрался с силами и ударил Ивана своим могучим хвостом. По щиколотку загнал он батыра в землю. Но не дрогнул Иван, размахнулся богатырским мечом и все три головы змея разом срубил. Туловище змея на мелкие части изрубил, камнем придавил, коня к дому привел.
Входит в дом – солдаты спят, как убитые.
– Ай-яй-яй, ни стыда ни совести, – начал их стыдить Иван. – Я просил быть начеку, а вы дрыхнете, будто год перед тем не спали.
– Да мы только что задремали, – оправдываются солдаты.
А чтобы как-то загладить перед Иваном свою провинность, быстро вскочили со своих мест и тут же за дела принялись: один дрова несет, другой очаг разводит, третий еду готовит.
Поел Иван, отдыхать лег, силу для нового дежурства копить.
На другой вечер опять Иван вешает на гвоздь свой носовой платок, ставит под него тарелку и наказывает солдатам:
– Следите за платком: как только кровь с него закапает – значит, мне туго приходится, выбегайте тут же на помощь.
– Будем следить, – отвечают солдаты.
А сами – только дверь за Иваном закрылась – усаживаются в шашки играть.
Иван выходит из дома, встает под мостом на караул.
Ровно в полночь шестиглавый змей на коне к мосту подъезжает. Немного не дойдя до моста, конь вдруг спотыкается.
– Что на ровном месте спотыкаешься? – недовольно спрашивает змей.
– Сила Ивана-батыра заставляет спотыкаться, – отвечает конь.
– Где ты видишь Ивана-батыра? – удивляется змей. – Он сейчас, поди-ка, в саду Ехрема-патши с девушками в прятки играет.
Тут Иван выходит из-под моста, свою богатырскую десницу на рукоятку меча кладет.
Теперь змей видит Ивана и спрашивает:
– Ну что, мирно разойдемся или драться будем?
– Мирно нам не разойтись, – отвечает Иван. – Будем драться.
– Тогда бей первым, – предлагает змей.
– Бей ты, а я погляжу, как это у тебя получится, – говорит Иван.
Змей Ивана как ударит хвостом – так тот по колено в землю ушел. Настал Иванов черед.
Замахнулся батыр своим острым мечом и за один удар все шесть голов змею снес. Туловище змея

он на мелкие части изрубил, тяжелым камнем придавил, а коня с собой забрал.
Заходит Иван в дом, а солдаты наигрались в шашки и спать полегли – только храп раздается.
– Я-то на вас надеюсь, – говорит Иван, – а вы, бездельники, спите, как убитые.
– Вовсе и не спим, только чуть задремали, – опять оправдываются солдаты.
И опять быстро вскакивают и за дела принимаются: кто идет за водой, кто – корму лошадям задать, кто начинает едуготовить.
Поел Иван, лег отдыхать: ведь ему и завтра надо мост караулить.
Пришла новая ночь, Иван опять вешает на гвоздь платок, ставит под ним тарелку и строго наказывает солдатам:
– Будьте настороже! Как только из платка кровь в тарелку начнет капать – немедленно же выходите мне на помощь.
Ровно в полночь девятиглавый змей на коне появился. Конь дошел до моста и вдруг споткнулся.
– Что на ровном месте спотыкаешься? – спросил змей.
– Сила Ивана-батыра ноги подламывает, – отвечает конь.
– Откуда здесь взяться Ивану-батыру?! – рассмеялся змей. – Он, небось, сейчас у Ехрема-патши в саду с девушкамигуляет.
Иван выходит из-под моста, меч из ножен вытаскивает. – Вижу, не хочешь мирно разойтись, – говорит . змей. – Биться собираешься.
– Знамо, биться, – отвечает Иван.
– Что ж, бей первым, – предлагает змей. – Ты начинай, – отвечает Иван.
Чуть не по пояс загнал змей Ивана в землю, ударив его своим хвостом. Иван, в свой черед, размахнулся раз булатным мечом – шесть голов у змея срубил, размахнулся еще раз – остальные три на землю покатились. Изрубленное на куски туловище Иван придавил большим камнем, а коня взял с собой.
Заходит он в дом – видит знакомую картину.
– Я из сил выбиваюсь, еле до дома доплелся, а вы тут храпите, как ни в чем не бывало, – укоряет он солдат.
– Всю ночь не спали, только что, перед самым твоим приходом, задремали, – продирая заспанные глаза, оправдываются солдаты.
Поел Иван, лег отдохнуть – силу для нового боя копит.
На следующий вечер опять Иван свой платок на гвоздь повесил, тарелку под ним поставил и строго-настрого наказал солдатам :
– Нынешней ночью будьте особенно внимательны. Как знать, может, сам двенадцатиглавый змей на семиножном коне пожалует – тогда мне придется очень трудно. Следите за платком : как только хоть одна капля с него упадет – тут же ко мне выбегайте... Если же кого спящим застану – пусть пеняет на самого себя.
Стал Иван на караул, ждет.
В самую полночь раздался собачий лай, а вскоре и сам двенадцатиглавый змей на семиножном коне появился. У моста конь – хоть и о семи ногах – а все же споткнулся.
– Что спотыкаешься, волчья сыть? – грозно спрашивает змей.
– Силу Ивана-батыра чую, – отвечает конь.
– Как же ты чуешь, если Иван сейчас, небось, в саду Ех-рема-патши с девушками хороводы водит? – не верит змей.
Тут Иван выходит из укрытия и, как из-под земли, вырастает перед змеем.
– А-а, ты и в самом деле здесь?! – то ли удивился, то ли обрадовался змей. – Что ж, тебе же хуже. Хочешь на милость мою сдаться или биться будем?

– Милость твоя всем известна, – отвечает Иван. – Будем биться и биться не на живот, а на смерть.
– Ну, если так – пока жив да здоров, бей первым, – говорит змей. – А то ударю – от тебя мокрого места не оста-нется.
– Кто бахвалится, тот пусть и начинает, – отвечает Иван. – А потом мы поглядим, от кого какое место останется.
– Тогда держись! – сказал змей и так ударил Ивана хвостом, что выше пояса вогнал его в землю. Тяжело Ивану, но все же он изловчился, махнул своим богатырским мечом раз – шесть голов змея на землю покатились, махнул второй – остальные шесть срубил. Одна незадача – туловище змея никак с коня свалить не может. И так и этак подступается Иван, наконец, стронул с места, повалил – новая беда: не успел Иван увернуться, свалилась змеиная туша прямо на него и так придавила, что ни рукой, ни ногой пошевелить нельзя. Трудно сказать, чем бы все это кончилась, не приди на помощь Ивану умный семиножный конь. Он выдолбил копытом землю вокруг Ивана и освободил его.
Иван из последних сил изрубил змея на куски, придавил камнем и в сопровождении семиножного коня пошел в дом.
Тем временем один солдат – то ли от шума битвы, то ли от того, что ему плохой сон привиделся, – проснулся. Поглядел в тарелку, а она до краев наполнилась кровью. Кинулся солдат будить своих товарищей, но не успел – Иван уже зашелв дом.
– Я чуть богу душу не отдал, а ни один засоня мне на помощь не вышел, – укорил Иван протирающих глаза солдат.
– Я-то, как видишь, не спал, они тоже недавно задремали. Только собрался их будить, чтобы всем вместе выйти на помощь, – ты сам идешь, – оправдывал и себя, и своих товарищей бодрствовавший солдат.
У Ивана не было сил на препирательства с солдатами. У него не осталось сил даже на то, чтобы поесть. Он, как подкошенный сноп, упал на постель и тут же заснул мертвецкимсном.
Сутки спит Иван-батыр, вторые спит. Солдаты даже побаиваться начали: не умер ли их старшой. А Иван через трое суток встал и тогда только есть попросил.
Сварили обед, плотно поели и в обратную дорогу стали собираться.
Иван вывел со двора семиножного коня, а тот ему и говорит:
– Спешить домой не будем. Жены тех змеев, которых ты здесь, у моста, изрубил, хотят тебе отомстить и для этого в доме на берегу кровавого озера завтра на свой змеиный совет собираются. Неплохо бы тебе послушать, о чем они будут говорить.
– Да как же я могу их послушать? – спросил Иван-батыр.
– А я тебя сделаю мухой, ты забьешься в щель и все, что надо, услышишь, – отвечает мудрый конь.

Он превратил Ивана в муху, тот полетел к дому на берегу кровавого озера, забился в щель и стал ждать.
Прошло немного времени, собрались все змеиные жены и начали свое совещание.
Первой заговорила жена трехглавого змея.
– Мы должны обязательно отомстить тем, кто убил наших мужей, – так начала она. – Я стану на их дороге зеленой поляной, они отпустят своих коней пастись, а сами попадут мне в рот.
Жена шестиглавого змея пошла еще дальше:
– Так их вряд ли прикончишь. Я раскинусь на их дороге зеленым лугом и светлой рекой. Они будут коней поить, будут сами воду из реки пить. Тут-то я с ними и разделаюсь.
– Может так получиться, что они останутся целыми и невредимыми, – подала голос жена девятиглавого змея. – Я на их пути стану садом с румяными яблоками на ветках. Уж мимо такого

сада они точно не пройдут, начнут рвать яблоки, есть и прямехонько мне на зубы попадут.
Жена двенадцатиглавого змея свое слово сказала последней:
– Сад – это хорошо, но тоже не очень надежно: то ли сорвут те яблоки, то ли не сорвут... Я сделаю так: я раскрою рот так, что одна губа будет упираться в землю, а другая – в небо, попробуй, пройди и ко мне в рот не попади.
Так поговорили змеиные жены, а правильнее сказать вдовы, и разошлись-разъехались по домам.
Вернулся к своим солдатам и Иван-батыр.
Дал Иван товарищам по два коня, сам сел на семиножного, и пустились они в путь-дорогу.
Едут-едут, притомились. А тут как раз зеленая поляна на пути попалась. Солдаты обрадовались: и коней на этой поляне попасем, и сами немного подкрепимся. А Иван-батыр говорит :
– Не спешите на ту поляну, нельзя на ней коней пасти.
С этими словами он сам первым подъехал к поляне, махнул крест-накрест своим мечом, и поляна из зеленой сделалась красной, кровяной.
– Видели? – сказал Иван солдатам. – Будьте осмотрительны, впереди, может, еще не то на пути встретится.
Едут они дальше – большой луг показался, через тот луг светлая, как слеза, речка течет. Опять радуются солдаты:
– Ну уж на этом лугу определенно коней покормим и сами чистой воды напьемся.
– Не торопитесь, – снова говорит им Иван-батыр. – Вперед меня не забегайте.
Взмахнул Иван своим мечом крест-накрест сначала над лугом, а потом над рекой, и в тот же миг и луг покраснел, и река потекла кровью.
– Видели? – опять спросил Иван своих товарищей.
– Как не видеть, – ответили солдаты. – Вперед будем умнее.
Долго ли, коротко ли они ехали – видят: недалеко от дороги тучный сад красуется. На ветках яблонь такие наливные румяные яблоки висят, что и не хотел бы, а сорвешь, не утерпишь.
Приуставшие солдаты воспрянули духом, приободрились. Один вид сада и глаз, и сердце радует.
– Ну уж отведаем райских яблочков, отведем душу, – говорят меж собой и к саду своих коней направляют.
И опять Иван-батыр останавливает своих нетерпеливых товарищей :
– Мы же договорились не спешить.
Подъезжает он к саду, рубит своим мечом одну яблоню, другую, и на глазах солдат весь сад покрывается кровью, а потом пропадает, будто его и не было.
Едут дальше. Много ли, мало ли проехали – семиножный конь говорит Ивану:
– Ну, Иван, держись, подъезжаем к жене главного двенадцатиглавого змея. И как только подъедем, такие слова ей скажи: «Ты, хозяюшка, моих товарищей пропусти, поскольку никакой вины на них нет. Виноват один я, ты меня и проглоти». А сам тем временем ударь меня в правую лопатку – я на сто сажен назад отскочу, ударь еще раз по спине – я взовьюсь под облака. Тогда, не теряя времени, подымай свой меч и руби голову главной змеи.
Как только сказал конь эти слова, подъехали они к жене двенадцатиглавого змея. Она одну губу на землю положила, а другую в самое небо задрала – ни пройти ни проехать.
Иван-батыр говорит:
– Ты, хозяюшка, моих товарищей пропусти – они ни в чем не виноваты. Виноват один я, меня и проглоти, если не подавишься.
Не понравились главной змее последние Ивановы слова, но она все же нижнюю губу подняла от земли на высоту коня и пропустила солдат. Иван тем временем ударил семиножного коня в правую лопатку, – конь отскочил на сто сажен назад. Ударил еще раз по спине – взвился конь под

облака. Иван размахнулся своим богатырским мечом и срубил голову главной змеи – словно гром загремел, когда змеиная голова на землю покатилась. Туловище он изрубил на куски, зарыл в землю и дальше поехал.
Откуда ни возьмись, выскочил на дорогу Чиге-хурсухал – старичок с локоток, с бородой в целую сажень – и ну перед конем прыгать, Ивана поддразнивать. Рассердился Иван-батыр, слез с коня, чтобы достать зловредного старика своим мечом. Однако же раз ударил – промахнулся, ударил еще раз – старичок с локоток увернулся. Иван третий раз замахнулся мечом, а старик тем временем скок на семиножного коня да и поскакал от Ивана.
Остался Иван-батыр пешим. Идет, едва успевая, за Чиге-хурсухалом. Идет он так, идет, доходит до дома старика и просит:
– Ты моего семиножного коня отдай, без него мне к Ехрему-патше лучше и не являться.
– Нет, так просто ты теперь своего коня не получишь, – отвечает ему Чиге-хурсухал. – За семьюдесятью семью царствами-государствами живет, говорят, Максим-патша. У него, говорят, есть дочь-красавица Марье. Так вот, когда ты ее ко мне приведешь, тогда и семиножного коня получишь.
Погоревал-погоревал Иван-батыр, делать нечего, пошел искать Максима-патшу.
Шел он, шел – на дороге чашка с водой стоит.
– Куда путь держишь, Иван-батыр? – спрашивает его чашка.
– За дочерью Максима-патши, – отвечает Иван.
– Возьми меня с собой, – попросилась чашка с водой.
– Хочешь идти – иди, – разрешил Иван, – вдвоем веселее. Пошли они вместе с чашкой. Шли-шли – повстречали Мороза.
– Далеко ли путь держите? – спрашивает Мороз у Ивана.
– За дочерью Максима-патши идем, – ответил Иван.
– Возьмите меня с собой, – попросился Мороз, – Хочешь идти – иди, – разрешил Иван, – втроем будет веселее.
Шли они, шли – навстречу Апшур (Апшур – обжора (чув.)).
– Куда идете? – спрашивает.
– За дочерью Максима-патши, – Иван ему отвечает.
– А нельзя ли и мне пойти с вами? – просит Апшур. Иван про себя подумал, что Обжора им вроде бы вовсе ник чему, только лишние хлопоты, но все же и ему разрешил идти вместе. Авось не объест.
Долго ли, коротко ли они шли – в царство-государство Максима-патши пришли.
Встретил их Максим-патша радушно, за стол как самых дорогих гостей усадил, всякими яствами угощает.
– По какому делу и куда путь держите? – спрашивает Максим-патша.
– Если, прямо, без хитростей да без околичностей говорить, – отвечает ему Иван-батыр, – пришли мы сватать твою дочь.
– Хорошее дело! – еще больше обрадовался Максим-патша. – Сейчас мы и ее позовем, пусть знает.
Слуги привели царскую дочь, красавицу Марье. Она перед гостями тоже радушие свое выказывает, брагой-медовухой всех их обносит.
– Хорошее дело! – повторил Максим-патша. – Только, прежде чем отдать свою дочь, я вам две задачи задам. Справитесь с ними – берите дочь, не справитесь – пеняйте на себя.
Иван сказал, что согласен.
– Вот вам первая задача, – опять заговорил царь. – К завтрашнему утру я велю испечь из

шестнадцати пудов муки каравай хлеба, а из шестидесяти быков приготовить жаркое. Если вы за сутки все это съедите – дочь будет ваша.
Иван уже начал жалеть, что согласился на условие патши, а Обжора в это время его в бок тихонько толкает:
– Не отказывайся, съедим за милую душу.
Иван дает согласие. И назавтра все, что было им приготовлено, они съели.
Максим-патша подумал-подумал и новую задачу задает.
– Я велю истопить баню, – говорит. – Велю я баню топить семь суток подряд и сжечь восемь возов дров. А вы потом целые сутки, не вылезая, должны мыться в этой бане. А когда вымоетесь – я вам, чистеньким, и отдам свою дочь.
Услышав слова Максима-патши, Мороз Ивана в бок толкает:
– Не робей, соглашайся! Иван соглашается.
Наутро начинают топить баню. А пока она топится – семь суток – срок не малый! – Максим-патша по-прежнему гостей угощает, песнями и музыкой развлекает.
Прошло семь суток, слуги доложили царю: баня готова.
Тогда Иван говорит Морозу:
– Ты ступай первым, а мы немного погодя придем.
Мороз пришел в баню, подул в один угол, в другой – все тепло выдул. Пришлось Ивану одернуть перестаравшегося Мороза.
– Ты потише дуй, – сказал он, – а то совсем остудишь баню, мыться холодно будет.
Мороз умерил свое старанье и сделал баню ни холодной, ни жаркой. Разве что голыши на каменке оставались все еще раскаленными. Царские слуги неткнет, да плеснут на них по ведерку воды, чтобы пар в бане держался. А как только того пару лишку нагоняют – чашка воду в себя сбирает, и (С)пять в бане ни жарко ни холодно – хоть час, хоть день можно мыться.
Ровно через сутки, как и было уговорено, царская дочь пришла проведать гостей. Она была уверена, что их уже давно в живых нет, и без стука открыла дверь бани. Иван-батыр, не будь плох, схватил красавицу Марье за руку да больше и не отпустил. Прямо из бани сбежали они от Максима-патши. Мороз еще на какое-то время остался в бане и окончательно ее выстудил.
Ждал-пождал патша свою дочь, забеспокоился: «Уж не задохнулась ли она в той бане от жары?» А когда сам пришел в баню, то увидел, что там никого нет, а с потолка сосульки свисают.
Понял патша, что случилось, и послал вдогон за Иваном полк пехоты.
Как ни шибко шли солдаты, Ивана с его спутниками, не настигли и вернулись обратно.
Тогда Максим-патша посылает полк кавалерии. Кавалеристы начали настигать беглецов. Тогда Апшур взял да и отрыгнул то, что неделю назад съел. Кавалерия приостановилась, ноги коней стали вязнуть и оскользаться. А тут еще и чашка всю свою воду вылила – совсем непроходимое болото за беглецами образовалось.
Шли они, шли до того места, где. Апшур Ивану со спутниками повстречался, дошли. Попрощался Апшур со всеми, к дому повернул.
Потом и Мороз остался на своем месте, и чашка с водой. Остались Иван-батыр и красавица Марье одни.
Путь был не близким, и, пока они шли, успели полюбить друг друга. И чем больше нравилась Ивану царевна Марье, тем больше он печалился. А когда та спросила его, о чем он печалится, Иван сказал:
– Скоро мы дойдем до дома Чиге-хурсухала, и мне придется оставить тебя у этого злого старика.
Красавица Марье ему на это говорит:
– Когда ты меня будешь отдавать старику, отдавай не головой, а ногами вперед. Тогда я сумею

избавиться от него, а потом стану иглой и приткнусь к тебе.
Иван так и делает: отдает Марье Чиге-хурсухалу ногами вперед. Старик, в свою очередь, выводит из стойла семиножного коня и протягивает повод Ивану. Иван садится на коня и выезжает на дорогу.
Тем временем Ехрем-патша вернувшихся раньше Ивана трех солдат допрашивает:
– Зачем вы Ивана-батыра одного оставили? Уж вы не убили ли его, мошенники? Сознавайтесь, а то повешу, – и велит готовить виселицу.
Один из солдат просит позволения у царя подняться на башню и поглядеть, не едет ли Иван-батыр. Царь разрешает. Солдат глядит в зеркало и видит Ивана-батыра на семиножном коне.
– Ладно, подождем, – говорит царь и приостанавливает казнь.
А Иван-батыр, немного отъехав от дома Чиге-хурсухала, останавливается на лугу, чтобы коня покормить и самому отдохнуть. Слезает, он с коня, а тот ему говорит:
– Вез я тебя вроде одного, а мне все казалось, что двоих.
Тут он встряхнулся, из седла выпала иголка и тут же обернулась красавицей Марье. Обрадовались Иван с Марье, что опять вместе. Дали коню травы пощипать, а потом сели на него и дальше поехали. А когда показался стольный город, где царствовал Ехрем-патша, Марье сказала Ивану:
– Когда мы явимся к Ехрему-патше, он нас сначала будет три дня угощать, а потом захочет жениться на мне. Тогда ты скажи ему: «А не сходить ли нам перед свадьбой в сад, не пострелять ли из ружья и поглядеть, у кого как получится?» Патша согласится выйти в сад и стрелять из ружья. Тогда в него его же пуля и попадет и сразит насмерть.
Едут Иван с Марье на семиножном коне, и с башни их уже безо всякого зеркала видно. И те, кто видит, меж собой говорят:
– Едет Иван-батыр не один, впереди себя посадил девушку-красавицу.
Их при въезде в город встречают с музыкой. Ехрем-патша ведет в свой дворец и три дня пирует с ними.
Иван-батыр узнает от царя, что его солдаты томятся в заточении, и просит их немедленно же освободить и привести за праздничный стол. Вот уж попили-поели солдаты за царским столом!
Три дня прошло, званые гости разъехались. Ехрем-патша говорит Ивану:
– Что семиножного коня раздобыл – молодец! Но ты мне и красавицу Марье тоже отдай. Сам же говоришь, она царская дочь, значит, тебе не пара.
– Ладно, отдам, – соглашается, как его и учила Марье, Иван-батыр. – Только давай перед свадьбой сходим с тобой в сад погулять.
Выходят они с патшой в сад, гуляют.
– А не пострелять ли нам из ружья, – предлагает Иван. – Узнаем, у кого глаз зорче и рука вернее.
– Давай постреляем, – соглашается Ехрем-патша.
Берет он ружье, стреляет. Ствол ружья разрывается, и пуля попадает ему прямо в лоб.
После того, как Ехрема-патшу похоронили, царством стал править Иван-батыр. Они с Марье поженились и до сих пор, говорят, живут в любви, мире и согласии.
Сказка кончилась, хотя слова еще и остались...